

Юрий Томин

Счастливым день

Павлика разбудил здоровенный желтый шмель. Он летал у окна и противно зудел, стучаясь о стекло. Павлик слез с кровати, подошел к окну и толкнул створки. Мягко зашлепали по стеклу листья; прохладная ветка сирени вошла в комнату, стряхнув на подоконник несколько капель. Шмель свечкой взвился вверх, вспыхнул под солнцем золотой бусиной и исчез.

— Вот так шмель! — сказал сам себе Павлик.

Заранее морщась, он подошел к рукомойнику, поддал носик ладонью и потер лоб и одну щеку.

Ходики на стене показывали девять часов. — Вот так часики! — сказал Павлик.

В соседней комнате распластались по полу солнечные квадраты. С удовольствием ступая по горячему полу босыми ногами, Павлик подошел к столу.

Сдернув газету, прикрывавшую еду, он взял кринку с молоком и пил, пока не захватило дух. Потом очистил яйцо, съел его без хлеба и важно подумал, что сегодня он, если захочет, то может не есть хоть весь день.

Отец с матерью рано утром уехали в город покупать телевизор. Вчера Павлик, узнав, что они уезжают на целый день, обрадовался и еще с вечера начал придумывать, что он будет делать.

Отломив кусочек хлеба, он вышел на крыльцо. Солнце уже высоко поднялось.

Над лугом извивались и таяли в воздухе прозрачные змейки. День был жаркий.

Павлик поднял руку и стал крошить хлеб. Едва первые крошки упали на ступени, со всех сторон — из-за дома, с огорода, из-под сарая — помчались к крыльцу куры. Последним прибежал соседский белый петух. Куры, толкаясь и ссорясь, полезли на крыльцо, а петух стал прохаживаться перед домом, подозрительно поглядывая на Павлика.

Павлик запустил в него коркой. Петух подскочил и вякнул что-то, наверное, выругался.

Прямо с места Павлик прыгнул вниз через три ступени. Ноги разъехались на горячем песке, и Павлик упал. Лежа на спине, он с любопытством смотрел на петуха, который метался вдоль забора, не находя лаза.

Сегодня не было ничего запретного: хочешь — иди на речку, хочешь — на пруд, кататься на плоту, или — на железную дорогу; если приложить ухо к рельсу, то можно услышать, как идет поезд. И Павлик никак не мог решить, что же выбрать. Ему хотелось всего сразу... Он встал и вышел на улицу.

За редким забором соседнего дома копал землю лопатой мальчик с белыми ресницами.

— Жека... А Жека!.. — позвал Павлик.

Жека вывернул большой ком земли, стукнул по нему лопатой и стал внимательно рассматривать.

— Жека, — шепотом спросил Павлик, — Жека, ты чего, а?

— Червей копаю. Не видишь?!

Павлик вздохнул. По началу разговора было ясно, что с Жекой сегодня ничего не выйдет. Жека берет в компанию Павлика только в самом крайнем случае, когда нет никого другого. Павлик уважает его и немного побаивается. Он все делает так, как скажет Жека, даже не спорит с ним никогда.

Жека сильный — он может взять Павлика за руки и кружить по воздуху. И ловкий — он может ездить верхом. Жека умеет надувать лягушек через соломинку...

— Дай я покопаю, — предложил Павлик. Жека молча вывернул еще один ком.

— Ну, дай!.. — повторил Павлик.

— И без тебя никак не накопать! Сейчас Витька придет, а у меня нет ничего.

— Ты с ним пойдешь?

— А с кем еще? ..

— Можно, я пойду?

— Больно умный! — отрубил Жека.

Павлик постоял, помолчал и пошел прочь. Жека крикнул ему вслед:

— А у меня капроновая жилка есть. И крючок кованый... Дачник подарил!

Жека просто хотел похвастаться. Но Павлик подумал, что его дразнят. Он обиделся и стал думать, как бы сделать так, чтобы Жека у него чего-нибудь попросил.

Вот, например, если у Жеки сгорит дом... Жека придет к Павлику и попросит удочку. «У тебя же есть капроновая жилка», — ехидно скажет Павлик. «У меня теперь ничего нет, — грустно ответит Жека и заплачет. — Жилка сгорела, и дом — тоже, и все вещи... Дай твою удочку половить».

Тогда Павлик засмеется и скажет: «Помнишь, ты не взял меня на рыбалку? Теперь и я тебе ничего не дам».

Павлику так ясно представился этот разговор и умоляющее лицо Жеки, что он улыбнулся и помотал головой от удовольствия.

Во дворе Павлик взял грабли и направился за сарай, где в тени лежала грудa старой щепы. Он разгреб щепу и прямо с земли стал собирать червей в две банки сразу. Сзади слышались шаги. Павлик знал, что это Жека, но не обернулся.

— Много накопал? — спросил Жека.

— Две полбанки, — ответил Павлик.

— Дай мне чуть-чуть. У меня только три штуки, а сейчас Витька придет...

Павлик засопел, чтобы не рассмеяться. Лицо у Жеки было как раз такое, будто у него сгорел дом.

— Бери, мне и совсем не нужно, — сказал Павлик.

После такой щедрости Жека, конечно, должен был взять Павлика с собой. Но он забрал червяков и ушел. «Это все из-за Витьки», — решил Павлик и стал думать про Витьку. У Витьки тоже может

сгореть дом. Тогда он придет к Павлику и будет проситься переночевать на одну ночь. Павлик даже зажмурился, чтобы лучше представить лицо Витьки. И Витька встал перед ним как живой.

Он долго умолял Павлика. Наконец он заплакал и даже стал биться головой о ель, что росла у них во дворе. Павлик смотрел на него и смеялся безжалостным смехом. А потом ушел навсегда из дома и сделался машинистом электрички.

В этот момент снова пришел Жека.

— Ты Витьку не видел?

— Никого я не видел.

— Обещал в шесть разбудить, а сейчас уже девять...

— Уже десять, — злорадно сказал Павлик. — Он и не придет вовсе.

— Еще как придет... — не очень уверенно возразил Жека. — Мы позавчера договорились. А он никогда не обманывает.

— А кто у тебя колесо от тачки украл? — напомнил Павлик.

— Колесо? Подумаешь, колесо... — Жека повел плечом и внезапно обозлился. — Ему вообще верить нельзя! Он всегда врет!

— Ага! Он такой... — с готовностью подтвердил Павлик.

— Я еще ему ноги повыдергаю! — пригрозил распалившийся Жека.

— Ага! — звонким голосом подтвердил Павлик. — Хорошо бы, у него дом сгорел! Да?

Но Жека не понял его.

— Нет, дом не надо, — сказал он. — У них дом новый. Пойдешь со мной?

— Я?!

— А то кто, свинья? — усмехнулся Жека.

Павлик не обиделся. Наоборот, он засмеялся еще громче Жеки, хотя и понимал, что смеется над собой.

— Только ты вот чего... — сказал Жека. — Котелок возьми, будем уху варить. Я бы взял, да неохота домой идти.

Павлик бегом бросился в дом и вынес белую эмалированную кастрюлю. Он знал, что ему попадет за кастрюлю, но это будет когда еще... А сейчас надо было торопиться, пока у Жеки не изменилось настроение.

Пыльная дорога привела их к лугу, расчерченному валками скошенной травы. Они перепрыгнули через канаву и зашагали по стерне, шаркая ногами, чтобы не уколаться.

День был безветренный и жаркий. Над лугом стоял неумолчный звон. Это кузнечики пели свои песни. В небе грелись под солнцем белые облака. «Почему они никогда не загорают? — подумал Павлик. — Ведь у меня тоже спина сначала белая, а потом становится коричневая... А они целый

день жарятся — и хоть бы что. Правда, бывают темные облака, но это — тучи. Может быть, туча — это облако, которое загорело?»

Ребята поднялись на полотно железной дороги и зашагали по шпалам. Тревожно свистя, вылетела из леса электричка. Они уступили ей дорогу.

— Два машиниста! Видел? — воскликнул Павлик.

— А хоть двадцать два... — пробурчал Жека. — Все равно по шпалам идти — хуже нет. Через одну наступать — широко, а на каждую — очень узко. Им же все равно, как дорогу строить, придумали бы такую, чтобы ходить было удобно.

— Ага, — согласился Павлик. Он хотел еще спросить, почему в будке два машиниста, но в это время из придорожных кустов вылез толстый дачник в резиновых сапогах и с рюкзаком. В руках он держал спиннинг и несколько удочек, связанных пучком. Все снаряжение у этого человека было совершенно новенькое: сверкающая катушка на спиннинге, зеленые бамбуковые удочки, сапоги, оставляющие на песке четкий рубчатый след. Ремешки на рюкзаке были такими гладкими и блестящими, что их хотелось лизнуть.

— Ого! — сказал дачник, подходя к ним. — Тоже рыбаки? Павлик и Жека молча уставились на него.

— Чего же вы молчите? — спросил дачник, стараясь казаться очень веселым. — Может быть, вы думаете, что я Карабас-Барабас?

— Не... — сказал Жека.

— Вот и хорошо! — весело воскликнул дачник. — Я такой же рыбак, как и вы. Люблю с удочкой посидеть. Рыболовы самый лучший народ, верно?

— Не... — сказал Жека.

— А кто же лучше?

— Мы не знаем.

Дачник громко засмеялся и подмигнул ребятам, отчего лицо у него сразу стало такое, будто он собирался заплакать.

— А хотите, ребята, я вам крючков дам? — неожиданно предложил он. — У меня всякие есть. И кованые и заглотыши... Я вам крючков дам, а вы мне места покажете, где лучше клюет. Вы, наверное, тут все места знаете?

— Не... зачем... — угрюмо сказал Жека.

Но дачник не унимался. Он достал из кармана стеклянную баночку, отвинтил крышку и высыпал на ладонь горку крючков. Тут были и черные, и желтые, и большие, и маленькие, были даже белые, каких Павлик никогда не видел. Павлик шагнул вперед, но Жека дернул его за руку.

— Мы пойдем, дядя, — сказал Жека.

— А как же наш уговор? — все еще бодрым голосом спросил дачник. — Возьмете меня с собой? А я... — Он полез в карман.

А я вам полтинник дам.

— Не... — сказал Жека, переминаясь с ноги на ногу.

Дачник заморгал глазами, сердито швырнул крючки в банку. Лицо у него было такое обиженное, что Павлику стало его жалко и он хотел сказать, что никаких мест они не знают. Но Жека уже тянул его в сторону. Они шли насыпью, и Павлик несколько раз оборачивался, чтобы взглянуть на этого толстого, шумного и странного человека.

— «Карабас-Барабас»... — передразнил Жека. — Места ему покажи! Боров толстый!

— А крючки хорошие. Да, Жека? — сказал Павлик. — А кто это Карабас-Барабас?

— Тут один... — Жека сплюнул на рельс. — Ты не знаешь.

И Павлик с уважением подумал, что Жека очень умный и смелый.

Сойдя с дороги, они еще долго шли лесом, пока не вышли к низинке, где в берегах, заросших осокой, пряталась ленивая речка Орлинка.

Над темной водой летали голубые стрекозы. Невдалеке от берега торчали две камышины. Паутина, растянутая между ними, блестела, как жестяная. Прямые стрелы осоки, прибрежные кусты, облепленные пухом, зеленая ряска и листья кувшинок — все было неподвижно, все застыло, разморенное солнцем. Такая стояла над Орлинкой тишина, что когда лягушка нырнула в воду, то шлепок раскатился, как выстрел.

На цыпочках, чтобы не распугать рыбу, ребята подошли к реке. Забросив удочку, Павлик замер.

У самого берега плавало на воде отражение солнца. Поплавок медленно сносило течением в этот ослепительно желтый круг. Павлик жмурился от нестерпимого света, он боялся пошевелиться, чтобы не рассердить Жеку.

Но Жека не выдержал первым.

— Тут один окуня поймал. Здоровый! — сказал он шепотом.

— Ага, — так же шепотом отозвался Павлик.

— До войны тут знаешь сколько окуней было? Немцы всех поглушили снарядами.

— Ага! — подтвердил Павлик, и ему сразу представился толстый немец, бросавший в речку снаряды. Немец был похож на дачника с удочками.

— Жека, — холодея, сказал Павлик, — а Жека... Этот дачник шпион, может быть?

Но тут у Жеки клюнуло, и он вытащил окуня.

— Вот это да! — заорал Жека. — Вот это шпион! Попался! Павлик вскочил, забыв про дачника.

— Ура! Шпион!

— В тюрьму шпиона! — крикнул Жека.

— В тюрьму шпиона! — завопил Павлик.

Жека набрал воды в кастрюлю и выпустил туда «шпиона». Они ползали на коленях возле кастрюли, рассматривая окуня, и тыкали в него веточкой, чтобы он растопырил свои колючки.

Наконец окунь перевернулся кверху брюхом, и ребята возвратились к удочкам.

Больше они ничего не поймали, хотя просидели часа три.

— Давай уху сварим, — предложил Жека.

— Из одной рыбины?

— А мы воды нальем побольше.

— А ножик есть, чистить?

— Окуня нужно с кишками варить, — солидно сказал Жека. — Навару больше будет. Иди за дровами.

Павлик принес сухих веток. Жека сложил их крест-накрест и поджег.

При солнечном свете пламени почти не было видно, — будто сами по себе раскалялись, начинали светиться ветки. Костер прогорел очень быстро.

— Говорил я тебе — толстых неси, — недовольно сказал Жека. — Лучше я сам принесу.

Жека ушел, а Павлик встал на четвереньки и начал дуть под кастрюлю изо всех сил. Ему очень хотелось, чтобы уха сварилась, прежде чем придет Жека. Он дул, пока не закружилась голова; угли под кастрюлей гудели, но вода не закипала.

Пришел Жека и швырнул возле костра охапку сучьев.

— По дороге дровину уронил, — сказал он по-прежнему недовольно. — Иди подбери.

И Павлик, чувствуя себя виноватым, вскочил и побежал искать дровину, даже не спросив, где она лежит.

— Не та, — сухо сказал Жека, когда Павлик притащил еловый сук.

Павлик, покрасневший от усердия и раскаяния, стоял подле костра и думал: что бы такое сделать? Как умиловить Жеку? Как ни странно, в глубине души Павлик был на его стороне. Может быть, тем самым отстаивал он свое право распоряжаться и командовать, когда вырастет такой же большой.

— Порядок в танковых войсках, — сказал Жека. — Пусть уварится. Купнемся?

Не дожидаясь ответа, он сдернул штаны, рубашку, приплясывая, сбежал к реке и прыгнул в воду.

Павлик, так же приплясывая, побежал за ним и с нарочитой неловкостью, болтая ногами, стараясь поднять как можно больше брызг, обрушился в речку.

— А я в штанах!.. — крикнул он, вынырнув. — Я нарочно! В штанах прыгнул!

— Ура! — ответил Жека, нырнул и схватил Павлика за ногу. Павлик, набрав воздуха, тоже нырнул, нащупал руками голову Жеки и притянул ее к себе. Они столкнулись лбами и открыли глаза.

— Бурл-бул... — сказала Жекина голова, выпустив серебристый пузырь.

— Блуп... — ответил Павлик.

Они вместе вынырнули на поверхность и захохотали. От смеха у Павлика сразу отяжелели руки.

Он хотел перестать смеяться, но от этого засмеялся еще сильнее и окунулся с головой. Ему стало страшно, но он ничего не мог поделать — даже под водой ему хотелось смеяться.

То погружаясь, то выныривая, хохочущий и бледный Павлик кое-как добрался до берега и, обессиленный, растянулся на траве. Мимо прошлепал Жека.

— В воде смеяться нельзя, — назидательно сказал он. — В прошлом году одна знаешь как нахлебалась? Чуть не до смерти! Сама тонет и смеется...

Прижавшись щекой к траве, Павлик молча смотрел, как Жека танцевал на одной ноге, стараясь другой попасть в штанину. Жека подошел к костру и застыл, бессмысленно, как показалось Павлику, глядя на огонь. Затем он схватил ветку, поддел кастрюлю и швырнул ее в сторону.

— Иди скорей!

Павлик, прежде чем подошел, понял, что случилось. Чудесная новая кастрюля с белыми, блестящими боками... От копоты она стала совершенно черной! Вода выкипела; эмаль потрескалась и отлетела во многих местах. На дне припекся и чадил бурый комок с головой окуня.

Кастрюля тихо потрескивала, остывая.

— Нужно ее в воду, — решил Жека.

Он зацепил кастрюлю палкой за ручку и понес к реке. Ни он, ни Павлик не подумал, что этого нельзя было делать. Попад в воду, горячая кастрюля совсем облупилась.

— Тебе попадет? Павлик кивнул.

— А ты скажи, будто ее цыгане украли. Как раз они утром проходили, — я видел.

— Правда? — с надеждой спросил Павлик.

— Честное пионерское, чтоб мне провалиться! Они если даже и не украдут... все равно на них подумают. Потому что они настырные.

Павлик чуть улыбнулся: все-таки Жека — настоящий друг. Через минуту они уже гоняли кастрюлю по лугу, пока она не свалилась в речку.

— Теперь ей крышка, — с удовольствием сказал Жека.

— У нее крышка, и ей крышка! — засмеялся Павлик.

— И у дома крыша! — подхватил Жека.

И все вместе это было так смешно, что они повалились на траву и смеялись до слез, болтая ногами в воздухе. Павлик вспомнил, как здорово он искупался в штанах, и подумал, что теперь они будут ходить с Жекой каждый день.

— Жека... — начал он.

— Крышка! — отозвался Жека.

И опять раскатился взрыв хохота. Голоса ребят, отраженные стеной леса, возвращались обратно, и казалось, что лес смеется вместе с ними.

Потом они, усталые, лежали рядом и смотрели в небо. Облака стояли на месте, а земля неслась под ними, как большой корабль.

Далеко, на дне голубого провала, с неторопливым рокотом проплыл пузатый жук.

— Вертолет, — сказал Жека. — Лес тушить полетел, наверное.

— Почему лес?

— Сухо. Горит везде. Ты бы хотел лес тушить?

— Ага... — лениво сказал Павлик.

— И я бы хотел. Говорят, скоро вертолеты будут всем продавать. Для личного пользования. С велосипедным мотором. А милиционерам и почтальонам — бесплатно. Бензин у них будет специальный, химический.

— Химический... — засыпая, пробормотал Павлик.

Они спали долго. Сквозь сон Павлик слышал, как вертолет прилетел снова. Он кружился над ними и грохотал все громче, но никак не мог улететь. Потом он стал стрелять из пушки, и Павлик проснулся.

Огромная сизая туча с оплавленными золотыми краями шла над лесом. Резкий удар грома хлестнул по земле, и лес ухнул и пригнулся, смятый порывом ветра.

Жека тоже проснулся и вскочил на ноги. Подобрал удочки, они бросились к опушке и укрылись под большой елью. Отсюда был виден притихший луг и кусты над рекой, замершие, будто скованные страхом. С минуту стояла настороженная, недобрая тишина. Затем где-то далеко зародился и стал приближаться глухой шум. Он двигался быстро, как поезд. И когда он подошел вплотную, на землю обрушился дождь.

Плотная серая занавеска опустилась на луг, и только на другом берегу Орлинки, над багрово-красным обрывом, тянулись к земле золотые нити.

— Как на елке! — шепотом сказал Павлик.

Ель недолго спасала их от воды. Сверху зачастили тяжелые холодные капли.

— Бежим домой по дождю, — предложил Жека, — все равно мокро.

Павлик поежился.

— Бежим, под дождем теплее.

Они выскочили из леса на поле, и ливень, хлестнув им в спину, вымочил с головы до ног в одну секунду. Это было даже приятно, — как будто окунулся в теплую воду.

Вдоль дороги, по канаве, мчался коричневый бурный поток. Вода, исхлестанная дождем, пузырилась и кипела. Жека влез в канаву и пошел против течения.

— Я иду по реке босиком! — крикнул он.

И тотчас же Павлик прыгнул в канаву и побрел вслед за Жекой, не обращая внимания на щепки и мелкие камни, больно ударявшие по ногам. Все это вместе: и быстрая мутная вода, и капли дождя, секущие спину, и краешек голубого неба, показавшийся на горизонте, и даже то, что вокруг не было ни души, — все это было так прекрасно, что Павлику захотелось сделать что-нибудь особенное.

— Жека! Жека обернулся.

Павлик подогнул ноги и сел прямо в воду посреди канавы. Тараща глаза и кривя рот, чтобы было еще смешнее, он захлопал по воде ладонями.

Жека расхохотался и двинулся дальше. Павлик вскочил и пошел за ним, распевая:

*Дождик, лей, лей, лей!
Этот дождик чимбелей!
Дождик, лей, лей, лей!
Этот дождик чимбелей!*

Размахивая руками, он маршировал под эту песню и загребал ногами, разбрызгивая воду.

Дождь прекратился сразу, как будто завили кран. Ребята вышли на околицу. В самом конце широкой и прямой деревенской улицы медленно уходила за горизонт половинка солнца.

— Вот это да! Часов девять, — сказал Жека.

Павлик, прищурившись, взглянул на солнце, от которого оставался уже лишь узкий ломоть.

— Полдесятого, — сказал он наугад.

На крыльце магазина сидел промокший дачник с рюкзаком. Он угощал пивом пастуха и все спрашивал о местах, где хорошо клюет рыба. А пастух пил пиво, сочувственно кивал головой, но помалкивал. Он тоже не знал таких мест. Павлик подумал, что если он найдет такое место, то обязательно приведет туда дачника и даже не возьмет за это крючков.

Они обогнали колхозное стадо.

Коровы шли медленно. Павлик подошел к одной и похлопал ее по влажному, дымящемуся боку. Раньше он никогда так не делал, но сегодня ему почему-то ничто не было страшно. Сегодня был удивительный, счастливый день.

У Жекиного дома они встретили Витьку.

— Чего ж ты! — сказал Витька Жеке. — Я тебя ждал, ждал, а тебя, оказывается, и вовсе нету.

— Это я тебя ждал! — вскинулся Жека.

— Нет, я, — уперся Витька.

— Витька, он правда тебя ждал, — храбро вмешался Павлик. Витька презрительно взглянул на него.

— Ты еще тут... Молчи, пока не получил. Павлик потихоньку подвинулся за спину Жеки.

— А вот и не получит, — сказал Жека, делая шаг вперед.

— А вот получит! — Витька сделал шаг назад.

— А не получит! — уже громче сказал Жека, делая еще шаг вперед.

— Еще и ты получишь! — Витька отступил сразу на два шага.

— Не получу!! — грозно сказал Жека и двинулся на Витьку, выставив вперед плечо.

Витька отбежал на несколько метров.

— Колесо украл! — крикнул Павлик, чувствуя себя в безопасности.

— И еще украду! — заорал Витька. — Всю тачку украду!

Жека нагнулся и поднял камень. Витька скрылся за углом забора.

— Не приду к тебе никогда... — донеслось издали.

— И не надо! Не надо! — заорал Жека. — Мы теперь с Павликом!.. Лучше не приходи в наш конец!

«Мы с Павликом...» Услышав эти слова, Павлик ощутил в себе такое мужество, что подобрал камень, брошенный Жекой, и побежал к забору. Но Витьки уже не было.

— Завтра опять пойдем, — предложил Жека, когда Павлик вернулся. — Верно?

— Ага! — с восторгом сказал Павлик. — Еще и не туда... Еще и не туда... Еще больше наловим!

— Я тебя разбужу, — сказал Жека. — Только ты вот что... кастрюлю захвати. Может, много наловим, тогда еще сварим.

Павлик задумался. Напоминание о кастрюле отозвалось в низу живота легким холодком. Дома ждала мать. Она, конечно, заметила пропажу. Но Павлик не мог отказаться от своего счастья. Если Жеке нужна кастрюля, она будет!

— Я принесу, — ответил Павлик. — У нас есть еще три. Еще побольше той.

И Павлик храбро поднялся по ступенькам крыльца.